

Владимир Малягин

«Объяли меня воды до души моей...»

Тот, кто читает Библию, рано или поздно доходит и до этой странной и даже загадочной её книги. Несоответствие её малого объёма и громадного внутреннего значения очевидно. Вспоминаю, как однажды в давние годы случилась эта встреча у меня. Но сначала надо вспомнить обстоятельства жизни и атмосферу той ушедшей эпохи...

...В 1979 году Издательство Московской Патриархии выпустило очередной (третий или четвёртый с 1956 года) тираж Книги Книг, Библии. Продавалась она из-под полы в храмах, поступила в некоторые центральные библиотеки, но, естественно, на открытых прилавках даже в храмах её не было и не могло быть. Да в те годы в храмах и вообще не было никаких книжных прилавков, поскольку в обиходе просто не существовало православных книг. Молитвы или акафисты в то время целиком переписывались нами от руки, перепечатывались на машинке. (Вспоминаю, например, что много лет читал по собственной машинописи чудесный акафист «Слава Богу за всё» владыки Трифона (Туркестанова), который зарубежниками долгое время приписывался обновленцу Григорию Петрову.) Счастливы были те из неофитов (а в те годы почти все мы были неофитами), кому по наследству от предков, бабушек и дедушек, достались хоть какие-то церковные книги или иконы.

Сегодняшним людям, выбирающим одно приглянувшееся издание из десятка идентичных, представить такое просто невозможно. Правда, примерно в эти же годы был выпущен чуть ли не репринтом знаменитый и вожделенный каждым верующим патриархийный «чёрный молитвослов» с утренним и вечерним правилами, с правилом и молитвами ко святому причащению, с несколькими главными акафистами. Но и молитвослова этого, впрочем, тоже не было в открытом доступе. Он, сам будучи репринтом, размножался подпольно в виде ксерокопий. Потому-то и ценилось любое церковное издание на вес золота, если не дороже.

Мы учились тогда на втором или третьем курсе Литературного института, который, как известно, и сейчас располагается на Тверском бульваре, в Доме Герцена. Храм, который мы довольно часто посещали с приятелем и однокурсником,

находился неподалёку и был храмом председателя Издательского отдела митрополита Питирима (Нечаева)—Воскресение Словущее на Успенском Вражке (улица Неждановой). Думаю, наши лица там достаточно примелькались, и нас считали не чужими (да мы и сами себя чужими в этих церковных стенах давно не считали!), поэтому, когда вновь напечатанная Библия поступила в храм и легла в секретный шкафчик «для своих», работница свечного ящика, тоже по строжайшему секрету, сообщила нам об этом историческом (безо всякой иронии!) факте. Боюсь сейчас точно называть цену; во всяком случае, она была никак не меньше ста двадцати советских полнокровных рублей (три стипендии студента или одна зарплата среднего служащего).

И вот мы становимся обладателями бесценного сокровища! И вот книга эта лежит на твоём скромном студенческом письменном столе в твоей скромной студенческой комнате на двоих. И сразу стол твой и комната твоя общежитская приобретают какое-то новое, какое-то необычное и серьёзное значение и даже высокое звучание...

К вере, настоящей вере, наше поколение приходило чуть позже, в начале восьмидесятых, церковными людьми мы тоже становились не в один день—хотя гораздо решительнее и быстрее, чем поколения, приходившие в Церковь за нами. Впоследствии я не раз слышал, что многие духовники этих новых поколений долгие годы благословляли своих прихожан читать только Новый Завет, а то и просто Четвероевангелие, не разрешая касаться Ветхого Завета, как, впрочем, и Апокалипсиса. Наверное, у них были на то причины. Но у нас в конце семидесятых ещё не было духовников. Зато была главная книга всех времён и народов, Библия. Она тогда и была нашим духовником. И было достаточно желания и свободного времени, чтобы её читать.

И мы читали её так, как привыкли читать любую уважаемую книгу,—с начала. А начало её известно сегодня всем грамотным людям:

В начале сотворил Бог небо и землю.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет...

Вот этим самым светлым светом мы и стали потихоньку просвещаться. Упоминали из Книги Бытия про начало мира и грехопадение ангелов и людей, про Потоп и Вавилонскую башню, вчитывались на страницах Исхода в Заповеди, данные Моисею Богом на Синае, восхищались премудростью Соломона и совершенной поэзией царя Давида. Собственно, именно в этой книге мы черпали настоящую, глубинную человеческую культуру, духовную основу нашего существования. Всё в этой книге было высоко и духовно, страшно и чудовищно, прекрасно и гармонично, всё было пронизано глубочайшей связью Создателя и создания, повелевающего Бога и послушного Ему человека.

Как вдруг, где-то в середине громадного тома...

И было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в нём, ибо злодеяния его дошли до Меня.

И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришёл в Иоптию, и нашёл корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз и вошёл в него, чтобы плыть с ними в Фарсис от лица Господа.

Стоп! Что это? Что это такое?..

Авторы Библии не ошиблись?.. Это книга пророка Ионы?.. Так как же пророк может противиться воле Божьей и «бежать в Фарсис от лица Господня»?! Разве могло быть подобное?..

И эти немногие строки уже были тогда для меня реальным потрясением. А дальше — больше!

Бушует шторм, а Иона спит в трюме! А когда жребий корабельщиков падает на него, и его будят, чтобы узнать, кто он такой и за что его настигает такая кара, Иона не просто спокоен, а даже как-то равнодушен и хладнокровен:

Он сказал им: возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря.

И только когда морское чудовище проглотило пророка, он наконец воззвал из его чрева, из этой неподъёмной и немыслимой тесноты, к Богу. Воззвал такой прожигающей небеса молитвой, что Господь услышал и тут же освободил Иону из плена, выбросив его на сушу.

И было слово Господне к Ионе вторично: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в ней, что Я повелел тебе.

И встал Иона и пошёл в Ниневию, по слову Господню; Ниневия же была город великий у Бога, на три дня ходьбы.

Так всё-таки он туда пошёл? А почему же тогда не пошёл сразу, по первому повелению? Что мешало исполнить поручение Бога тогда? Опять новая загадка...

Но вот Иона сорок дней ходит по великому городу Ниневии с проповедью покаяния и трогает своими словами не только простой народ, но даже самого царя, который снимает корону и посыпает главу пеплом, который запрещает даже скоту есть и пить на время покаянных дней! И что же дальше?

Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи.

Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаются от проповеди Иониной; и вот, здесь большие Ионы.

Библия была, есть и будет всегда основой духовного, культурного, нравственного бытия человека и человечества. Это единственная книга, которой достаточно, чтобы поставить мировоззрение человека на верный и прочный *идеологический* фундамент. Мало того, это единственная книга, которая даёт пример правильного осмысления и написания Истории. Ведь человеческая история полноценна и верна только тогда, когда является Священной Историей. Как только мы начинаем делать вид, что Бога в нашей истории не существует, что Он, главный Драматург и Режиссёр, в ней никак не участвует, мы скатываемся к мелким и пошленьким *социально-экономическим* моделям и поверхностным обоснованиям великих исторических процессов и событий.

Каждая страница Священного Писания бесценна. Но даже среди этих бесценных страниц есть страницы, которые имеют двойную, а то и тройную цену. Такие, как две страницы истории пророка Ионы...